

Дмитрий Золотарев

Вялый эрос

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дмитрий Золотарев

Вялый эрос

<https://litres.ru/74237929>

SelfPub; 2026

Аннотация

- Алло. Это Хемингуэй?
 - Да. А кто спрашивает?
 - Ты меня не знаешь, но может, выпьем?
 - Было бы славно, но со мной тут уже Ченаски.
 - А третьим?
 - Дегуш ещё.
 - Тогда в квартете?
 - Кафка тоже здесь.
 - Пятым возьмёте?
 - Столик на четверых, паря. Извини.
- Гудки.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Вялый эрос

Глава

Лёгкий трип

Я, обычно, выключаю звук на ночь. Телефон всегда где-то рядом. Чаще всего слева, ближе к подушке. В этот раз я промахнулся. Оставил вибрацию. Где-то часа в два — проснулся. Телефон судорожно колотился в складках одеяла. Пришлось посмотреть, что там.

Включил, прищурился. Пароля не было. Какой смысл? Провёл пальцем по экрану.

Ещё и интернет не выключил, — подумал. — Совпало так совпало.

Фото. Ванная, зеркало. Голая грудь поджата рукой. На ней две разноцветные дорожки. На правой розовая. На левой жёлтая. После сообщения. Знаки вопроса. Примерно раз в двадцать секунд.

«Мне спуститься?»

«!»

Я бросил телефон. Поднялся. Почесал зад, подцепил ногой шорты. Сунул ноги в тапки. Поднял футболку. Сперва надел её. После шорты. Тапки не снимал. Взял ключ из вазы в прихожей. Щелкнул замком. Вышел.

Мы жили в одном доме. Я на четвёртом. Она на втором.

Я шуршал по лестнице, опираясь на перила. Те жалобно поскрипывали, видать, тоже ещё не проснулись окончательно. На третьем клацнул замок. Я вздрогнул. Кто-то, по-видимому, только ложился. Закрыв дверь. Умно.

Я сполз на второй. Потянул ручку её двери вниз — подда-лась. Вошёл. Закрыв за собой. Ева выкатилась из комнаты. Она сидела на офисном стуле, в той же позе, что и на фото.

— А если бы не я пришёл?

— А кто? Я никого не жду.

— Резонно.

Я снял тапки. Подошёл. Она протянула мне стеклянную трубочку. Прикрыла сперва левую ноздрю, качнула головой на розовую. Я вдохнул. После прикрыла правую ноздрю — на жёлтую. Я пай-мальчик. Вдохнул и вторую. Сжал нос пальцами. Отпустил. Втянул воздух. Ева поднялась. Посмотрела на меня.

— Слижешь?

— Нужно?

— Если хочешь.

Чуть скривился, оголил зубы. Она схватила меня за челюсть. Подтянула к себе. Чмокнула.

— Еда есть?

Ева отрицательно покачала головой. Стряхнула остатки порошка с груди.

— Приготовить?

— А сможешь?

— Что-то простое, — она плюхнулась на стул, посмотрела на меня.

— Одеться не хочешь?

— Зачем? — она чуть наклонила голову, свела губы уточкой.

Я подошёл к ней, взялся за спинку стула, развернул его.

— Тогда поехали.

Довёз хозяйку на кухню. Подкатил к столу. Открыл холодильник. Полный. Я скривился от удивления.

— Что могу взять?

— М? — Ева повернулась ко мне. — В смысле?

— Лимит какой?

— Для тебя лимита нет.

— А для кого есть?

Ева крутилась на стуле из стороны в сторону. Уперлась в подлокотник. Посчитала на пальцах. Раз. Два.

— Папа только проверяет. Ему лишь бы полный был.

— А тебе?

Она пожала плечами.

— Что хочешь?

— Тебя, — Ева чуть улыбнулась.

— Из еды что хочешь?

Она скорчила грустную рожицу.

— Что приготовишь, то и буду.

Я присел на корточки. Ева попыталась отвернуться, но быстро поняла, что это бесполезно.

— Сколько? — спросил я.

Она виновато посмотрела на меня. Подняла три пальца.

— Врёшь, — я чуть качнул головой.

Ева оттопырила нижнюю губу. Подняла семь пальцев. Добавила ещё один.

— Хочешь, чтобы отпустило?

Она помотала головой.

— Будешь ещё?

Она опять замотала головой.

— Есть сможешь?

Ева кивнула.

Я опёрся на поручни стула, попробовал встать. Ева схватила меня за шею, поднялась вместе со мной. Потянулась на носочках. Натиск её змеиного языка остановила ленивая шеренга моих зубов-щитоносцев. Она откинула голову. Посмотрела на меня так, будто готова была убить. Я подался чуть вперёд — попытка извиниться. Ева перехватила её на пол пути. Пришлось впустить. Она жадно причмокивала, не желая прекращать. Я скользнул под её бельё. Сжал ягодицу. Послышался сдавленный, противный стон. Она отвела голову. Грудь вздымалась в такт её быстрому дыханию.

— Покормить, — выдохнула она.

— Что прости?

Я не торопил. Сжал чуть крепче. Её глаза округлились. Губы сомкнулись, она наконец начала дышать носом.

— Обещал покормить.

— Тогда отпусти.

Ева замотала головой.

— Если послушаешься, — я освободил обе руки, развёл в стороны, — буду покладистым. Всю ночь.

— И утром! — глаза её светились от восторга.

— Только ночью. Работа.

— Прогуляй.

— Выпрут.

— Из-за одного дня?

— Прут и за меньшее.

Ева приоткрыла рот, будто её осенило.

— Я папу попрошу.

— И что он скажет?

Она задумалась. Отвела взгляд.

— Дура. Опять позоришь, — последний слог она сдвинула, лицо её исказилось. Ева уткнулась мне в плечо. Заскулила, как маленький щенок. Я закатил глаза. Обнял. Тело предательски набрало полные лёгкие воздуха. Я дал ему волю, и это лишь всё испортило. Она пошла навзрыд. Я обнял её крепче. Она сдавила меня чуть выше поясницы.

Спустя пару минут мне стало скучно.

— Сперва, — начал я, прикрыл один глаз, другим попробовал посмотреть вверх, — яйца.

— Не хочу яйца, — слышалось после всхлипа.

— Это не для тебя, дурёха. Это для риса.

— Отпускать не хочу, — ещё один всхлип.

— Тогда сыграем?

— Правила, — Ева на секунду подняла голову и тут же уткнулась мне в грудь.

— Отпускаешь, считаешь до, — я потянул «О» пытаюсь прикинуть сколько мне нужно времени, — двадцати трёх. Руки кверху. Глаза закрыты.

— А ты?

— А я успею подготовить всё что нужно.

— А если не успеешь?

— А тогда с меня желание.

Ева тут же отпустила меня.

— Один.

Я чуть растерялся. Обогнул её. Поставил кастрюлю и сковороду на плиту.

— Пять, — послышалось за спиной. Я хлопнул её по заднице. Ева подскочила, вскрикнула. Зажмурилась сильнее. Стихла. Я открыл холодильник.

— Семь.

— Пропустила, — поправил я.

— Десять.

Заноза.

Филе. Укроп — чуть пожелтел, но сойдёт. Открыл шкафчик, приценил содержимое.

— Пятнадцать.

— О, — я потянул пачку, — басмати.

Нырнул за миской. Судорожно помотал головой.

— Вот, — подсолнечное масло.

Опять в холодильник.

— Двадцать.

Сливочное масло.

— Всё, — я нагнулся, поцеловал её в щёку. Ответную реакцию я примерно знал. Кипяток важнее. Чайник, к счастью, был полным. Включил. Ева опустила руки, но так и стояла неподвижно. Я подошёл к столу, открыл пачку риса. Обернулся.

— Говори.

Ева помотала головой.

Я отмерил на глаз. Промыл. Ещё разок. Вроде был ещё раз. Странно срезалось. Посмотрел в миску. Вода чистая. Посмотрел на кастрюлю. Снова обернулся. Ева сидела на стуле, запрокинув голову. Пыльцы упирались в пол. Стул медленно вращался. Я открыл духовку, вынул сотейник. Ссыпал в него рис. Залил кипятком. Посолил.

Взял разделочную. Пальцы дрогнули. Дерево загремело. Я чуть пригнулся. Ева кажется даже не заметила.

Вынул нож. Нарезал филе. Масло — крышка падает на пол. Пара кругов по сковороде. Я наклоняюсь. Её нога медленно проплывает у моего лица. Я кусаю её за большой палец.

— Жулик, — сухо, отстранённо.

Ого. Я поднялся. Ева перебирала пальцами по ручкам стула.

— Торгуемся? — я вернулся к плите. Бросил курицу в сковороду, растолкал в единый слой. Стул позади скрипнул. Я почувствовал, как её руки опутали меня. Она прильнула щекой к моей спине.

Дебафф: вы обездвижены.

Перевернул филе. Посолил. Сдобрил перцем. Двигаться не хотелось, чтобы не спугнуть. Я кое-как дотянулся до чеснока. Очистил. Нарезал. Добавил к курице. Чуть мёда. Сок лимона.

Рис перестал хлюпать — выключил. Ополоснул укроп. Отсёк лишнее. Покрошил. Кусочек сливочного в рис. Прикрыл. Пришлось постоять без дела с минуту.

Теперь укроп. Перемешать. Скинуть в миску. Добавить мясо. Жидкости ровно столько, чтоб не превратить в кашу.

— Возьми ложку.

— Не хочу ложку.

Я открыл ящик. Вынул вилку. Переложил рис в тарелку. Взял Еву за руки — попытался освободиться.

— Готово? — спросила она.

— Да.

— Покормишь?

— Нужно?

— Хочу.

— Садись.

Она вернулась на стул. Я взял полотенце, положил на руку, поставил на него тарелку. Подтянул ногой стул, сел на-

против. Набрал вилкой рис, подул. Протянул Еве. Она открыла рот.

Я поставил тарелку на стол. Схватил её стул за сиденье, подтянул ближе. Ева обхватила меня ногами. Потянулась за тарелкой. Я хватил её за руки.

— Полотенце.

Ева протянула мне руку. Я повторил «ритуал». Она накинулась на еду.

Левая. Силы покидали её. Пришлось аккуратно поддеть тарелку. Рука упала на её колени, но есть она не перестала. Мне оставалось дожидаться пока она опустошит тарелку.

Вилка скрипнула о дно. Еве не удалось набрать ещё. Я поставил тарелку на стол.

— Ещё?

Она замотала головой. Организм взял своё. Её трясло.

Я помог ей подняться.

— Ост... — стук зубов не дал ей закончить.

— Останусь.

Я довёл её до кровати. Уложил. Ева легко ударила по простыне. Ей всё ещё хотелось держать лицо, играть. Я лёг рядом. Сердце её колотилось. Дыхание рвалось. Ева прижалась ко мне. Закрыла глаза. На секунду мне показалось, что ей стало легче.

Я обнял её. Прележал рядом до утра. Сон настигал меня, но власть его была мнимой. Я проваливался и возвращался, пока солнце не пробилось сквозь щель в шторах. Только то-

гда борьба наша окончилась.

Одну перед выходом. Две другие с собой. Я аккуратно перевернул её квартиру. Разноцветные таблетки тоже прихватил. К утру она дышала ровно. Для начала хватит. Весь день она проведёт в состоянии анабиоза. Маленькая жабка под тяжёлым одеялом.

Я закрыл за собой. Поднялся на четвёртый. Залез в душ. Щётка, паста. Свежая одежда, горячий фен. Разбудил телефон. Он смиренно нежился на моей подушке.

— Нам пора, дружище.

Он промолчал. Ничего нового.

Звон ключа. Щелчок двери. Медленный спуск вниз. Утренняя прохлада семенит пальчиками по открытой коже. Дрожь взрывается, разбегается по телу и тут же сменяется теплом внутри.

Двор пуст. Я иду по центру дороги, пока не выхожу со двора. Жму кнопку на светофоре. Жду. Перехожу. Срезаю через дворы. Здесь людей больше. Передвигают ножками в сторону работы. Я такой же. Только теперь волочусь. Мне, вроде, к восьми. Или я только так думаю. В любом случае, я, похоже, не опаздываю.

Стеклянные двери расступаются, приглашая меня войти. Мы давно знакомы. Хочется склониться пред ними в почтительном поклоне, но я сдерживаюсь. Прохожу мимо. Однажды они припомнят мне это.

Холл. Возня. Бейджа нет. Я аккуратно киваю Марине. Она знает меня в лицо. Кажется, все знают. Я, к счастью, знаю всего шестерых.

От входа до лифта — прямая. Приёмная стойка ровняется с правым плечом. Остаётся позади. Чья-то знакомая спина. Узкие джинсы. Девушка заходит в лифт, оборачивается. Я поднимаю левую руку — невольное приветствие. Она приглашает войти. Я качаю головой. Двери скрывают её средний палец.

Даже в таком состоянии я предпочитаю лестницу. Крепкое лакированное дерево поручей. Мрамор ступеней с белыми точками — напоминает дорогую колбасу. Придётся упереться в два глухих пролёта и один живой. Второму я позволю выплюнуть себя из спиральной глотки. Попробую влиться в поток. Устроюсь позади чьей-нибудь помощницы. Буду переставлять ноги в такт её высоким каблучкам. Быть может даже скопирую влияние бёдер. А может, поверну резко влево. Пройду вдоль стены. Наткнусь на девушку из лифта.

— Привет, — скажет она.

— И тебе, — отвечу я.

— Ты сегодня какой-то заторможенный.

И в этот момент я пойму, что это происходит не в моей голове. Пойму, что ближе к девяти, мне придётся наведаться в уборную, найти место почище и пустить ещё одну дорожку.

— Плохо спал.

Она касается нижнего века.

— Красные? — спрашиваю я.

Девушка кивает.

— Может капли?

— А есть?

— В рюкзаке. Подойдёшь?

— Да. Только до места своего доберусь.

Она кивает в ответ. Мы пытаемся разминуться. Проход слишком узкий. Я поворачиваюсь спиной к креслам. Она к подоконникам. Я смотрю на неё чуть сверху. Её щёки станут под стать моим глазам. Она провожает меня взглядом. Я вижу это мельком, в круглом зеркальце, что замерло на углу чьего-то стола.

Мне остаётся всего пяток проходов. Каждый занимает три шага. На шестом я сбавлю ход. На седьмом остановлюсь.

— Миш!

Он заметил меня ещё на входе. Я видел это из-за плеча той помощницы за которой увязался.

— Доброе утро.

Он тянет руку, я отвечаю.

— Тот разговор, — он не уверен, отводит взгляд.

— Кирилл, в пятницу. Сегодня и завтра я занят. В конце рабочей недели я весь твой.

— Серьёзно? — он подскакивает от радости. Я киваю.

— Только, — начинаю, — у меня есть одно условие.

— Какое? Всё что попросишь!

— Мне нужен ещё один игрок.

— Ха! — хлопок, и тут же он втягивает голову в плечи, озирается. — Так и знал, — теперь уже почти шёпотом продолжает он. — Я нашёл кое-кого. Тебе понравится.

— За кого играет?

— За Чёрный Грааль.

— Занятно. Тогда договорились, — протягиваю руку. Он смотрит на раскрытую ладонь, не может поверить в свою удачу.

Жмёт. Улыбается. Я хлопаю его по плечу. Он отпускает меня.

На девятом шагу, если считать он начала, мне приходится остановиться. Даже обернуться.

— Миш!

Я молчу.

— А ничего, что это, — он мнётся, снова смотрит вниз, — это девушка.

— Играть хорошо?

Он трясёт головой.

— Тогда плевать. Главное, чтоб играла.

Десять. Одиннадцать. Хочется пуститься в припрыжку. Пропустить пару чисел.

Смирненное кресло ожидает своего временного властителя. Я легко тяну его к себе, сажусь. Подвигаюсь ближе. Тонкой стрелой указательный палец устремляется к кнопке. Система реагирует, гудит. Экран, мягкий, приглушённый свет. Глаза горят. Я понимаю, что не моргаю уже какое-то время.

Смыкаю веки. Чуть погодя ещё разок.

Кликаю по иконкам. Последовательность всегда одна. Поднимаюсь. Иду в другую сторону. Бурная деятельность запущена.

Спины. Разнообразные причёски. Наушники. Кто-то видит меня в отражении монитора, оборачивается. Я приветливо киваю. Мне отвечают тем же.

Лера — девушка из лифта — подводит губы чёрной помадой. Сжимает их и снова выпячивает. Смотрит на меня сквозь отражение. Кажется, я нарушит что-то интимное. Такое массовое, но такое личное.

— Капли.

Лера разворачивается на стуле, смотрит на меня исподлобья.

— Капли, — повторяю я.

Девушка поднимает рюкзак. Расстёгивает, копошится внутри. Вынимает флакончик. Я киваю, запрокидываю голову, сдавливаю ёмкость. Веко предательски трясётся. Я окочываю его пальцами — смиряю. Страх его не проходит, но двинуться оно боле не может. Правый глаз. Левый. Я морщусь, возвращаю пузырёк.

— Спасибо.

— Можешь оставить, — говорит она.

— Не пригодится.

Рюкзак уже застёгнут. Я не слышал жужжания молнии. Руку протягивать она не хочет. Я наклоняюсь, ставлю капли

на стол.

Замкнуть ли круг? Вернуться той же тропой? Здесь просторно, но с другой стороны, если никто не выкатится за пределы выделенного ему пространства, терпимо узко.

— Когда планируешь начать?

Лера чуть наклоняет голову. Обувь её тяжела и на секунду мне становится страшно. Пятка её опускается на мой носок — особая гильотина.

— Ты не против? — я включаю её компьютер.

Пароль.

Я прикрываю глаза. Она оборачивается. Я слышу, как пальцы стучат по клавиатуре.

— А дальше?

— Открой несколько вкладок. Запусти проверку проекта.

Она закидывает голову на спинку. Я вижу кончик языка, он любопытен, но труслив.

— И?

— У тебя будет минут тридцать. Можем выпить кофе.

— В этот раз поедем вместе?

— Лучше встретимся внизу.

Лера прищуривается, сводит губы в тонкую полоску.

— Хорошо, — она поднимается, толкает стул в мою сторону. Я отступаю на шаг. — Что тебе взять?

— Обычный чёрный. Без сахара.

— У тебя три минуты.

— Успею.

У неё тяжёлый шаг. Он отличается от всего, что я здесь слышал. Он похож на рядовой мужской. Только без въевшейся усталости. Её более цельный, будто спустился с этажа повыше.

Её ждёт лифт. Меня — два поворота, двери, коридор. Фигуры: круг с остриём вниз и такой же с остриём вверх. Нужно выбрать. Я вроде как знаю правильный ответ, но выбрать всё равно хочу. Круг с остриём вниз. Там, вроде как, чище.

Тяну на себя. Вхожу. Никого. Все прихорашиваются у себя. Я срываю бумажное полотенце. Рву пополам. Протираю край раковины. Пакетик. Часть. Рву полотенце ещё пополам, потом ещё. Аккуратно вывожу дорожку. Скручиваю трубочку. Закрываю ноздрю. Один быстрый вдох, от края к стене. Пальцы сжимают и отпускают нос, вдох не прекращается.

Я протираю за собой. Выбрасываю обрывки. Мою руки. Дверь открывается. Девушка в короткой юбке пялится на меня.

— Что?

— Это вообще-то женский.

— Я просто заперта в этом уродливом, мужланском теле. Она морщит лоб.

— Так и знала, что ты не поймёшь.

Я тяну дверь, выхожу. В конце коридора есть другая лестница. Она приведёт меня к месту. Здесь я могу не сдерживаться. Пропускаю по несколько ступеней. Выхожу в холл. Лера стоит у стойки. Перед ней два стаканчика. Рядом Ма-

рина. Свой она держит в руке.

Я слышу их уже на подходе. Обе недовольны.

— Я вот тоже на монаха пересела.

— Та бред это. Мета дерьма. Медведь и монах.

Я подхожу к стойке. Снова киваю Марине. Она отвечает тем же. Лера ставит передо мной кофе.

— Опоздал, — она показывает мне таймер на телефоне.

— Пятнадцать секунд.

— Считала с лифта?

— Да.

— А до него за сколько дошла?

— Не знаю.

— Посчитаем, когда поднимемся.

— Вместе? — Лера чуть наклоняется ко мне.

— В этот раз да, — я топлю досаду в глотке кофе. — О чём негодуете?

— Мета в Варкрафте, — Марина стоит за стойкой, делает шаг в мою сторону.

— Первый сезон так себе — знаю. Классы упростили. Раки заползли в ключи повыше, а играть будто хуже стали.

— Ого, — Лера тоже шагнула ко мне, — за кого играешь?

— Охотник.

— Фу, — Марина скривилась.

— Чего фу? Броня кольчуга — минус физика. Сейвов много. Кастовать не нужно. Блад Ласт есть. Одной рукой играть можно.

— Как расписал, — улыбнулась Марина. — Согласна. Тут не придаться. А рейтинг какой?

— А рейтинг показатель?

— Нет. Просто интересно.

— Три четыреста.

— А максимальный какой закрыл?

— Девятнадцатую Яму.

— Пачка? — Лера посмотрела на Марину.

— Рандомы.

— А вообще группа есть? — Марина улыбнулась. Я не понял мне или собеседнице.

— Нет.

— А к нам хочешь? — Лера чуть сжала губы, посмотрела в сторону.

— Зачем?

— Не так быстро, — Марина отставила кофе. — Сначала пару ключей пробежим. Посмотрим, как играешь.

— Это я посмотрю, как вы играете. Потом уже решу, буду ли пушить с вами.

Лера улыбнулась.

— Самоуверенный, — она толкнула Марину локтем.

— Ну знаешь, — ответила она, — крутить журавля не особо сложно. Взбучку прожимать тоже.

— Пол часа, — я допил кофе. Поставил стаканчик на стойку. — Нужно возвращаться.

Лера достала телефон.

— Пора, — кивнула она. Допила залпом. Опустила свой стаканчик в мой. — Выбросишь?

Марина приподняла брови.

— Охренела?

Лера свела указательный и большой пальцы. Прищурилась.

— Чёрт с вами, — махнула Марина. — Валите.

Я благодарно кивнул. Лера вызвала лифт. Мы вошли. Двери скрыли нас, мы остались одни. Лера посмотрела на меня.

— Ты спешишь?

— Разве что свались пораньше, — я пожал плечами. — Только раньше пяти всё равно не отпустят.

Корпоративные боги — редкий гость в прихожей собственного Элизиума.

Начинают свой путь они в глубинах Аида, чтобы, минуя блаженных, достичь заоблачных вершин Олимпа. К вратам ступают лишь девы — за неопытностью своей иного хода не ведающие. Быстро они исчезают из виду, но не из памяти человека судачащего.

Вопреки тому почитают нас присутствием своим полубоги.

Не то ангелы, не то валькирии. В редких случаях — дети самого Зевеса Громовержца, байстрюки, от Геры утаённые.

Быть может, дева та, чей лик озарял телефон, и была дочерью всевластителя. Бога гневливого, на женскую красоту

падкого, но неотразимого в могуществе и статности.

До часу оставалось пять минут.

Я почувствовал, как тяжёлые перья опали на плечи. Тряхнул головой.

— Время, — сказал я, полез за телефоном в карман — хотя монитор был включён.

Кажется, удалось задремать. Трудно сказать, сколько это длилось. Главное: чувствовал я себя хорошо. Всё ещё.

Попытка встать — удача. Ноги держат, тело не ведёт. Я взял мышку, пара кликов — монитор загорелся прощальным синим. Задвинул стул.

Путь мой вновь лежал налево и за поворот — только уже не в сторону уборных, а в противоположную. В этот раз: направо, прямо и снова налево. Лабиринт должен замкнуться. Но только по идее.

Вместо этого я поменял спинки для рюкзака. Он не протестовал. Куда ему, мы уже так долго вместе. Повернул направо. Миновал увлечённого Кирюшу, без лишних вопросов. Изящно поклонился девочке с кипой бумаг. Кажется, она хотела что-то сказать, но было поздно. Я уже перебирал подошвой по лестнице.

Показал пятерню Мариночке в приёмной. Вскинул правую руку для охранника. Он улыбнулся, но постучал по виску. Я тут же извинился, свёл руки, поклонился. Рюкзак хотел попросить за меня, сполз вниз. Мы чуть не упали, но благо,

мои натренированные ножки, удержали нас.

Дверь встретила меня прищуром. Я готов был взяться за рукоять моего револьвера. Жаль, не прихватил. И всё же, стеклянный страж сжалился. Пропустил. Правда в этот раз он открывался настолько медленно, будто бы придавая этому моменту лёгкой пикантности. Жаль меня не заводят двери. Быть может, мы могли где-то уединиться, но... Я быстро протиснулся в образовавшуюся прорезь. Глубоко вдохнул.

Здесь меня ожидал ветер. Мы давно не виделись. Кажется, в последний раз он приходил ко мне, когда я отдыхал в лаборатории на нижнем ярусе. Давно это было. А он, всё такой же разноцветный, как северное сияние.

Ветер закружился вокруг, отмечая как я вырос и возмужал за это время. Поманил за собой. Мне кажется, я знаю эту дорогу. Сейчас до светофора. Потом кнопка. Мы постояли пока светофор не заиграл. Плечи сами пустились в пляс. Времени хватило едва-едва, чтобы перейти через дорогу. Ветер поманил меня в сторону двора.

У подъезда он показал мне «четыре».

Я развёл руками: «прости, дружище, сейчас меня хватит только до второго».

Ветер понимающе кивнул, и оставил меня одного. Я не злюсь. Занятой он парень.

В подъезде было прохладно. Я остановился на секунду. Хотелось насладиться этой затхлой свежестью.

— Это от лукавого.

Голос? Чей? А, это мой.

— Да, ты прав.

Думаю, он желает мне только добра. Я хватался за каждое металлическое ребро поручня. Ох и много их понатыкали.

Дверь, что мне нужна. Я помнил о ней что-то важное.

Код? Ловушка? Маленькое, зубчатое существо... Ключ? Точно! Ключ.

Я достал монетку. Погрузил её в кармашек поменьше. Ручная трёхпалая клешня активизировалась. Нырнула в карман.

С первого раза. Сучка Удача благоволит мне.

Я прижался к стене. Ключ штормило. Поэтому я приставил указательный палец чуть выше замка. Упёр в него ключ и аккуратно зашёл в порт. Корабельная центрифуга была рассчитана всего на два оборота. Дальше затор. Я потянул ключ на себя. Убрал в карман. Вошёл.

Носок втыкается в пятку, кроссовок делает оборот, падает набок. Повторить снова, для закрепления результата. Рюкзак летит вниз. Мы это уже обговаривали. Так заведено.

Мне налево. В комнату с большим диваном. Но, я не успеваю. Дверь в ванную, что прямо по курсу, открывается.

Ева, укутанная в полотенце, машет мне рукой. Я пытаюсь ответить тем же, но почему-то рука не поднимается. Перед глазами появляется пол и шлёпает меня по лицу.

Кухонька (очередная)

— Ты девственник?

— Ну, — я почесал затылок. — Тут, как бы, нужно уточнить.

Камилла — любительница каверзных вопросов, села рядом. Скрестила ноги, положила руки на колени, повернулась ко мне.

— И что же уточнить?

— Предположим: если я засунул в девушку хуй, то я, как бы, не девственник. Так?

— Предположим, — улыбнулась она.

— А вот если я, скажем, в мужика хуй засунул? Или того хуже, мужик засунул хуй в меня. Тогда как?

— Ну, — Камила попыталась сдержать улыбку, — предположим: девушка любит только анал. Ну вот нравится ей, кто мы такие чтобы осуждать?

Я кивнул.

— Если ты переспал с такой, то, — продолжала она, — предполагаю, что ты больше не девственник.

— Хорошо, — я отпил чаю. — А во втором случае?

— Во втором случае ты девственник с раздолбанным очком.

— Угу, — я почесал подбородок. Лёгкая щетина ошпарила пальцы.

— И какой твой случай? — Камила подвинулась чуть ближе.

— Долгое время со мной жил отчим. Мужик он был креп-

ким, — я взял булочку с маком из корзинки в центре стола, откусил. — Когда мама уходила на работу, он любил брать меня сзади.

Я прожевал. Откусил ещё раз. Запил. Камилла чуть склонила голову набок, посмотрела в потолок.

— Так получается, — она коснулась пальцем подбородка, — ты всё же девственник с пробитым очком?

— Получается.

— Покажешь?

Я замер. Нарочито медленно повернул голову в её сторону.

— Раздолбанное очко?

— Ага, — она улыбнулась.

— Нет, — я попытался отпить ещё чаю, но заварка ухватилась за зубы, ясно дав понять: «здесь ловить уже нечего».

— А если предположим, — Камилла наклонилась чуть вперёд, — красивая девушка поможет тебе избавиться от этого недостатка?

— А с каких пор девственность — недостаток?

— Хочешь сказать, что у тебя нет мыслей вроде: вот, мне уже восемнадцать, пора бы с кем-то переспать. Миша вон, с шестнадцати уже во всю.

— Признаюсь, — я потянулся к чайнику, включил. — У меня была подобная мысль пару лет назад. Когда Миша хвастался первым разом. Но потом я подрошил, и после того, как перестал «грызть» себя, подумал на трезвую голову: кто

вообще определяет, когда мне пора трахаться, жениться или заводить детей?

— Общество, — Камилла развела руками.

— Тогда нахуй общество.

— Бунтарь, — рассмеялась она. Чайник щёлкнул. Камилла забрала мою чашку, поднялась.

— Сколько сахара?

Я показал два пальца.

Она заварила чай себе и мне. Вернулась обратно. Поставила чашки на стол. Но перед тем как сесть, сняла футболку. Не посмотреть я не мог. Тут дело не в: «я мужик, я должен был». Просто отвернуться сразу было бы как-то неуместно. Всё же она собиралась с силами, готовилась.

— Вернёмся к вопросу о помощи, — Камилла вернулась на своё место. Или подвинулась даже чуть ближе. Стало как-то, на удивление, жарко. А я — дурак — боялся повернуть голову.

— Знаешь, не возбуждает. — Я тут же повернулся, поднял руки. — Нет, ты не подумай...

Глаза опустились вниз. Слишком долго. Я поднял взгляд, Камилла указывала куда-то. Я последовал по направлению.

— Не возбуждает говоришь?

— Предатель, — выдохнул я, смотря на бугорок в собственных джинсах.

— Скажи, — я насторожился. — Сколько мы уже знакомы?

— Лет шесть, наверное, — я схватился за чашку, выпрямился.

— А целовались мы, когда?

— Двадцать четвёртого февраля.

Камилла попыталась сдержать смех, но получилась плохо. Звук вышел такой, будто кто-то сморкался. Она прикрыла рот. Отвернулась. Я взял ещё одну булку из корзинки.

— А это ты зачем запомнил? — всё ещё не унимаясь, спросила она.

— На цифры хорошая память, — я старался вести себя как обычно.

— Фух, — она наконец успокоилась, повернулась ко мне.

— Миша говорил, что ты...

— Забавный?

— Чуть жёстче.

— Ебанутый?

Камилла кинула. Потянулась за булкой.

— Оденешься может?

Она покачала головой.

Я глубоко вдохнул. Почесал лоб.

— Тогда к чему это представление?

— Пользуюсь возможностью, — тон её был всё так же невозмутим.

Я собрался с силами и наконец повернулся к ней. Да, сложена она была хорошо. Только, прорезь с чернеющей пустотой, чуть ниже ребра. Её я сразу почему-то не заметил.

— Просчиталась, — я указал на дыру, рука почему-то тряслась.

Тело Камиллы обмякло, повалилось на стол, опрокинуло кружку.

— Как! — голос раздался чуть поодаль. Маленькая, чёрная сфера формировалась у входа в кухню.

— Сама посмотри.

Эфемерная сущность подлетела ближе, сжалась.

— Ага, — в голосе чувствовалась досада.

— Получается, ты проиграла.

Сфера не ответила. Я доел булку, сделал большой глоток.

— С уборкой только не затягивай, — сказал я, выбираясь из-за стола.

Языковые практики

Мы странно совпали. Я люблю сосиски. Она любит, когда ей вылизывают соски. После пирсинга они стали почти болезненно чувствительными. Лиза и сама по себе натура чувствительная, что при её работе в линии звонков — пытка.

Её разговор всегда начинается одинаково:

— Здравствуйте. Меня зовут Лиза. Я работник поддержки Arrebatо. Скажите, вам удобно сейчас разговаривать?

И в большинстве случаев заканчивается одним и тем же.

— Пошла на хуй!

Немудрено. Лиза — вестник плохих новостей. Но вино-

вата ли она в этом? Нет. Виноват ли работник, на которого пожаловался клиент? Тут нужно разбираться.

В любом случае, чаша её терпения не безгранична. И в какой-то момент мы остаёмся вдвоём в укромном месте, которое она нашла. Блуза медленно расходится. Пуговицы выскальзывают из петель. Застёжка бюстгалтера поддается без борьбы. Тёмные соски смиренно ждут. Я наклоняюсь, свожу их вместе. Лиза устраивается поудобнее, хватает меня за волосы. Пока хватка не ослабнет — я её пленник.

И хоть я люблю хорошую грудь, после этих встреч у меня ноет поясница. Признаться, не самое приятное чувство.

В этот раз игра затянулась. Я скользнул рукой под юбку — чтобы не помять ткань, конечно. Сжал зад, затем другой рукой. Приподнял. Лиза молча обхватила меня ногами. Пришлось прижать её к стене, чтобы удержать равновесие. Я услышал, как она ударилась затылком, и сразу почувствовал её боль. Лиза вцепилась в меня сильнее, потянула за волосы.

Маленькая, дикая кошка. Она готова была вцепиться мне в глотку. И я, честно, принял бы этот исход, будь он не таким грязным для неё. Кровь, вина, лишние вопросы, стирка.

— Неудобно мне.

— Пусти, — она чуть прищурилась, отпустила мой загривок.

Я поставил её на пол.

— Может, стул сюда принести?

Лиза смотрела вниз, стягивая бюстгальтер.

— Зачем?

— Для удобства.

— И как ты это сделаешь?

— Беру стул. Несу стул, — я пожал плечами.

Лиза застегнула блузку, поправила юбку.

— Если сможешь — я не против.

Она взяла меня за воротник, подтянула к себе. Пухлые губы коснулись моей щеки. Больше нежности я не заслужил. Лиза поправила причёску и вышла. Я поправил рубашку, вышел следом. Дошёл до лифта, дождался, поднялся этажом выше. Здесь было всего два офиса — пустое помещение с колоннами и двумя коробками. Снаружи не пробить, изнутри я не пытался. Мне нужна была левая дверь. Я подошёл, постучал. Не ответили.

Если не прогнали — значит можно. Я вошёл.

В центре комнаты сидела девушка. Руки были заняты котёнком. Он посмотрел на меня, прищурился. Я посмотрел на него. Наша дуэль длилась недолго. Ему надоело, он спрыгнул вниз, перебирая лапками добрался до лежанки и свернулся клубком.

Пришлось смотреть на его хозяйку.

— Я разрешала войти?

— Не запрещала.

— Становишься предсказуемым.

— А ты, я смотрю, подготовилась?

Она сидела в кресле, поджав ногу под себя, и смотрела в монитор. Волосы ещё мокрые — тёмные пряди прилипли к вискам и шее, оставляя на коже бледные дорожки. За её спиной, за прозрачной дверцей, угадывалась душевая кабинка. Стёкла запотели, и по ним медленно стекали капли. Пахло гелем для душа — сладкая клубника.

Чёрный кружевной лиф, полупрозрачный, с жёсткими чашечками, которые держали грудь так, будто она сама по себе была произведением искусства. Трусы-слип — высокие, почти винтажные, с тонкой резинкой на бёдрах. И чулки. Чёрные, с широким кружевным поясом, который чуть врезался в кожу. Всё это было слишком красиво для рабочего дня. Слишком продуманно.

Она заметила, что я смотрю, и усмехнулась.

— Я хочу позаимствовать стул, — сказал я, кивая на пустой офисный стул в углу.

— Надолго?

— Не знаю. Навсегда, наверное.

Она перекинула ногу на ногу. Чулки зашуршали. Кружево натянулось на бедре.

— Тогда сначала ответь, — она чуть подалась вперёд. — Ты встречаешься с Лизой?

— Нет. Никаких отношений на работе. Ты же знаешь.

— Тогда что между вами?

— Забыл. — Я щёлкнул пальцами, пытаюсь поймать слово. — Это... Работаем вместе.

— То есть любовники.

— То есть коллеги.

— А это? — она оттолкнулась ногой от пола, кресло бесшумно подкатилось к столу, она развернула монитор ко мне.

Я подошёл ближе. На экране — чёрно-белая картинка, зернистая, но узнаваемая. Коридор. Подсобка. Я с Лизой. Сегодня. Я держу её за талию, она тянет меня за волосы. Видно, как я наклоняюсь к её груди. Качество плохое, но сомнений нет.

— Не знал, что там есть камера.

— Везде есть камеры, — она улыбнулась, откинулась на спинку кресла.

Я медленно обернулся, осмотрел комнату. Потолок, углы, стеллажи.

— Почти везде, — добавила она тихо. Насмешливо.

— Что хочешь за него? — Я указал пальцем на стул в углу.

— Тоже, что ты даёшь ей.

— Бессмысленное подчинение?

— Мимолётное удовольствие.

Я усмехнулся, скрестил руки.

— И что это для тебя?

Она помедлила. Потом медленно раздвинула ноги, чуть шире, чем требовал разговор. Кончики пальцев скользнули по внутренней стороне бедра, остановились у самого края трусов. Через кружево угадывалось тепло.

— Работа та же, — она улыбнулась. — Только платят хуже.

Я хмыкнул, но на улыбку не ответил.

— Ну, тут хотя бы есть удобства. Приступим?

— Так сразу?

— Мне ещё работать, — я пожал плечами. — Это ведь не обеденный перерыв.

— Я думала, у вас есть график.

— У людей перманентная тупость. Тут никакой график не поможет.

Она засмеялась. Потом медленно поднялась. Стянула трусы через бёдра, бросила их на кресло. Повернулась ко мне спиной, облокотилась на стол. В этом движении было столько спокойной уверенности, что я на секунду задержал дыхание.

На её заднице было две татуировки. На правой ягодице — Микки Маус, улыбающийся во весь рот, с непропорционально большими ушами. На левой — Даффи Дак, с той же дурацкой ухмылкой. Оба персонажа тянули лапки к центру, будто пытались раздвинуть её, и когда она подалась бёдрами, эта иллюзия становилась почти реальной. Казалось, что

именно они сейчас управляют её телом.

Она вильнула задом, оглянулась через плечо. Волосы упали на лицо, и она сдула их с губ.

Я шагнул ближе, положил ладони на её ягодицы. Кожа была слегка влажной после душа, упругой, тёплой. Пальцы утонули в мягкой плоти. Она выдохнула, чуть прогнувшись.

И в этот момент я замер.

— Слушай, — сказал я, оглядывая стол. — Ты ведь ведёшь стримы на NOOM?

Она напряглась, но голос остался ровным:

— С чего ты взял?

Я открыл верхний ящик стола. Пусто. Второй — и там он лежал. Фиолетовый, пупырчатый, со смещённым центром тяжести. Небольшой, но заметный. Такой обычно используют для шоу, а не для личного пользования.

— Правильный выбор для ассоциации, — сказал я, не закрывая ящик. — А вон там, — я кивнул в угол, — хромакей. И над монитором, — я поднял взгляд, — лисья маска. Шикарная, кстати. Высокое качество. Хвост я искать не буду. Мне лень.

Она молчала. Секунд пять. Выдохнула.

— Я думала, ты не сидишь на таких сайтах.

— Случайно зашёл не в тот домен, — ответил я и опустился на колени.

Я не дал ей времени на возражения. Или на вопросы. Я просто взял её за бёдра, развёл чуть шире, притянул к себе.

Она оперлась на стол, и я услышал, как скрипнуло дерево.

Я принялся за дело. Методично, ровно, так, чтобы она была, о чём мы говорили. Чтобы у неё подкосились ноги. Чтобы она сама дотянулась до моего затылка и попросила прекратить.

Я слушал её дыхание. Сбивчивое, хриплое. Она пыталась держать контроль, но тело посылало её куда подальше. Когда пальцы вцепились в мои волосы, а бёдра дрогнули, я остановился.

Поднялся, вытер губы тыльной стороной ладони. Шлёпнул её по заднице. Звонко, чуть сильнее, чем стоило бы.

— Охренел? — прошептала она.

— Мышь увидел, — ответил я.

Она выпрямилась, повернулась. Глаза блеснули. Она была красивой, когда злилась. И, кажется, знала это.

— Могу внести тебя в расписание, — сказала она ровно, уже надевая маску профессионализма.

— Только если угостишь обедом.

Она улыбнулась — на этот раз почти искренне.

— Так просто?

— Для тебя — возможно.

Разговор был исчерпан. Я забрал стул и выкатился прочь.

Лифт мягко ткнулся на моём этаже. Двери разъехались — и я выкатился в коридор на своём трофейном стуле. Колёса тихо шуршали по линолеуму — единственный звук в пустом пространстве.

Не прокатился я и десяти метров, как меня окликнули.

Я обернулся. Трое. Мужчины в одинаковых чёрных куртках, с одинаковыми плоскими лицами. Туристы. Интересно, из какой они башни?

Один из них шагнул вперёд и произнёс что-то гортанное, с восходящей интонацией. Я не сразу понял, но знакомый ритм подсказал: китайский.

Он повторил, чуть медленнее, и теперь я разобрал:

— Qǐngwèn, qù túshūguǎn zěnmě zǒu? (Как пройти в библиотеку?)

Я показал на лифт, который только что покинул. Три пальца вверх.

— Sān lóu ma? (На третьем?) — переспросил он. Как-то слишком уж неуверенно.

Я кивнул. Все трое по очереди пожали мне руку — сухо, официально, будто мы заключили сделку. Я стоял и смотрел, как они заходят в лифт. Двери закрылись. Я остался один.

Покатился дальше.

В нашей укомной коморке было тихо. Я поставил стул в угол. Осмотрелся. Потолок, стены, стеллажи с коробками. Камер не видно, но это ничего не значит. Если она смотрит — пусть. Что это меняет?

Я вышел, закрыл за собой дверь и пошёл на рабочее место. Открыл ящик, вынул карточку — пластиковый прямоугольник с магнитной полосой и номером. Сунул в карман и снова направился к лифту.

Семнадцатый этаж.

У автомата с горячими напитками валялась жёлтая строительная каска — старая, с царапинами и чьим-то номером на боку. Я наклонился, поднял её. Дешёвая. Стойкий запах пластика. Я нахлобучил каску на голову, опустил козырёк, чтобы скрыть лицо, и скользнул в коридор.

Здесь было темнее. Лампы горели через одну, создавая полосы света и тени, как в старом фильме. Я прошёл до конца, где за неприметной дверью скрывался мужской душ.

Там было влажно и пусто. Шкафчик номер четыреста семь — дальний, в самом конце ряда. Я поднёс карточку к считывателю, дождался зелёного сигнала. Дверца щёлкнула, открылась, и я протиснулся внутрь — за шкафчиком есть проход.

Узкий, почти незаметный. Он вёл в маленькое помещение с рядом металлических ячеек. Мой шкафчик — третий слева. Я ввёл код, открыл.

Внутри лежала чёрная ряса. Тяжёлая, из плотной ткани, с глубоким капюшоном, который закрывал лицо до середины носа. Я разделся догола, повесил рабочую одежду на крючок и натянул рясу на себя. Ткань холодила кожу. Капюшон упал на глаза, и мир стал тёмным, приглушённым, как сквозь дым.

Я вышел в огромный холл.

Здесь играла живая музыка — орган, смешанный с электроникой, низкие басы, которые чувствовались грудью. Пространство тонуло в полумраке, подсвеченное алыми и фио-

летовыми софитами. Люди двигались медленно, как во сне.

Женщины в корсетах, которые сжимали талии до неестественной тонкости, в кружевных чулках и высоких сапогах на платформе. Чёрные атласные перчатки до локтей, серебряные цепи на шеях, бледная кожа, подведённые глаза. Они выглядели как персонажи с полотен Босха, только живые, дышащие и пахнущие духами с нотками ладана.

Мужчины — в таких же рясах, как у меня. Некоторые с капюшонами, некоторые с масками, скрывающими лица. Все одинаковые, безликие, как тени.

И вдруг чья-то рука схватила меня за запястье.

Я обернулся. Девушка. Она не произнесла ни слова. Просто подняла ладонь и показала знак — два пальца сложены в вилку, остальные сжаты. Я не сразу понял. Секунда замешательства. Она повторила, настойчивее, и я кивнул.

Она потянула меня за собой. Мы прошли мимо танцующих, мимо людей, которые стояли у стен и наблюдали, мимо стола с чёрными свечами. Вторая кабинка слева. Я вошёл внутрь.

Между нами была стена с аккуратным отверстием на уровне паха. Овальным, гладко обработанным. Внутри кабинки пахло деревом и женскими духами. Аромат забрался сюда из холла. Здесь ему не место, но не мне его выгонять.

Я подошёл ближе, расстегнул рясу. Прижался бёдрами к перегородке. Просунул хер в дырку. Её язык коснулся меня.

Тёплый, влажный, осторожный. Сначала кончик, потом

шире, потом она взяла в рот полностью. Гладко, со знанием дела. Мастерство — другое слово неуместно.

Я закрыл глаза. Впервые за весь день кто-то заботился обо мне.

Наконец-то.

Залётный. Многообещающий. Пустой, по сути

— Я закурю. Вы не против? История будет долгой. Нудной. Сигарет понадобится много.

Октябрь, год уже не помню. Москва, улица Льва Худого, бизнес-центр «Golden City». На десятом этаже — офис одной из крупнейших российских анимационных студий, которая ещё три года назад получала государственные гранты, а теперь перебивается заказами от «Камасвечера» и GK.

Переговорная. В ней семеро. Пять мужчин, две женщины. Все в чёрном. Кофе в бумажных стаканчиках, ноутбуки с наклейками «Своих не бросаем», уставшие лица. Это не творческая тусовка. Это ебучие «сталкеры».

Оксана. Ей только стукнуло тридцать. Кладёт на стол раскладовку. Жалко девочку. Она не спала пару ночей, это минимум. У неё синяки под глазами — преданность делу.

У неё хорошая задумка — «Перекрёсток». Полнометражный мультфильм для подростков. История о девушке, которая живёт в маленьком городе, мечтает уехать в Штормград, но её отец — дальнобойщик — постоянно в рейсах, мать работает в две смены в пекарне. В центре сюжета — дружба

с мальчиком-мигрантом из Телябима, который учится в той же школе.

— Это о выборе, — говорит Оксана. — Про то, как люди остаются или уезжают. Про то, что дом — это не обязательно место, где ты родился.

Продюсер, мужчина лет сорока с лицом старика, листает раскадровку. Он доходит до разворота, где мальчик-мигрант плачет после того, как его отца депортировали.

— Это убери, — говорит продюсер.

— Что именно? — переспрашивает Оксана. Ответ она знает. Просто хочет верить, что ошибается.

— Этого персонажа. Мигранта. Сделай его местным.

— Но тогда теряется конфликт. Если оба местные, то чего им делить? Город маленький, все свои.

— Сделай так, чтобы он переехал из другого региона. Например, из Златоземья. Или из деревни. И чтобы над ним смеялись из-за акцента. Не надо никаких мигрантов. Сейчас тема мигрантов — красная тряпка. Если мы возьмём деньги у государства, а в мультфильме будет симпатичный телябиский мальчик, который говорит на местном диалекте с акцентом и вызывает сочувствие — нас порвут. Экспертный совет скажет: «Почему вы показываете мигранта положительным? Вы что, пропагандируете этнические браки? Вы что, против коренного населения?» Нас заклеймят как либералов. Ты хочешь, чтобы студия вписалась в реестр?

— Но это же просто подростковая история, — тихо гово-

рит Оксана.

— Подростковая история, которая будет стоить нам сорок миллионов рублей, если мы её запустим. Сорока миллионов, которых у нас нет. Единственный способ получить деньги — подать заявку в Мастер кино или в Минкульт. А там эксперты сидят не дураки. Они знают, что сейчас можно, а что нельзя. И мигрантов — нельзя. Даже если они хорошие. Особенно если они хорошие.

Оксана молчит. Она понимает, что если убрать мальчика-мигранта, то весь сюжет рассыплется. Потому что конфликт строился на том, что главная героиня дружит с «чужим», и город их не принимает. Если «чужой» становится «своим» — нет истории.

— Может, сделаем его культирасцем? — предлагает кто-то из мужчин. — Из Озёрной Бухты. Переехал с семьёй. Тогда это будет патриотично.

Продюсер качает головой.

— Культирасцы — это тоже риск. С одной стороны — да, жители Озёрной Бухты. Но сейчас любое упоминание Культираса в контексте детей и семей — это потенциальная проблема. А вдруг эксперту покажется, что мы показываем культирасца, который якобы пострадал от войны? А война-то — специальная военная операция. Там никто не страдает. Там освобождают. Если мы покажем страдающего культирасца — это может быть интерпретировано как критика.

— Так он не культирасец, — говорит мужчина. — Он из

Озёрной Бухты. Он почти что местный. Гражданин. Паспорт получил.

— Эксперту всё равно. Эксперт увидит «Озёрная Бухта», увидит слёзы, увидит причину. И подумает: «А зачем вы вообще показываете Озёрную Бухту? Там сейчас стройка, там всё хорошо, там восстанавливают мирную жизнь. Зачем вы лезете в это?» Нет. Не надо.

Оксана собирает раскадровку. Она больше ничего не предлагает.

«Перекрёсток» мертв. Она прекрасно это понимает. Никакой грубости. Кофе, печенье, улыбки.

— Оксан, ты молодец, — говорит продюсер. — Идея сильная. Но сейчас не время. Давай сделаем что-нибудь попроще. Например, про дружбу кота и собаки. Или про школу волшебства, но без намёков на современность. Без политики. Без мигрантов. Без сложных семей. Просто, понятно, с моралью. Деньги на такое дают.

— На такое дают, — эхом отзывается кто-то из угла.

Оксана кивает. Что ей остаётся? Выходит. Пара шагов и тело сдаёт. Бунтует.

Девочка списана с дочери. Мальчик с паренька, которому она помогала освоить местное наречие. Маленький клочок жизни летит в урну. Правильно. Такое не спонсируют.

В тому году в Восточных Королевствах официально вышло 47 полнометражных анимационных фильмов. Это рекорд. Патриотические СМИ писали: «Восточная анимация

на подъёме!» В это можно поверить, если не знать другую цифру.

А другая цифра — 312 проектов, которые были заморожены, закрыты или переделаны до неузнаваемости на стадии сценария.

Ну, или почти никто. Всё-таки есть я. Есть чаты, разговоры на кухне, в холле. В ебучей таверне Златоземья. Есть моя ебучая дотошность и хорошая память.

О парочке даже расскажу.

«Земля 2150» — научная фантастика для детей 10–12 лет. В будущем люди живут в подземных городах, потому что поверхность заражена. Группа подростков находит старую карту и выбирается наверх, чтобы найти чистую воду. Там они встречают животных-мутантов, которые разумны и хотят мира. Сценарий был почти готов, когда пришло экспертное заключение: «В фильме присутствует критика современного состояния окружающей среды, что может быть воспринято как экологический пессимизм. В условиях текущей политики импортозамещения и развития промышленности подобные месседжи нежелательны».

Студия предложила переделать: сделать поверхность не заражённой, а просто дикой. Но тогда терялся весь смысл — зачем было уходить под землю? Эксперт сказал: «А зачем вообще люди под землёй? Пусть живут на поверхности. И не надо никакой экологии. Сделайте фэнтези про эльфов». Студия отказалась. Бам! Чистое пулевое. Смерть.

«Свои» — драмеди о двух семьях в приграничном городе: Син`дорай и Кал`дорай. Соседи, дружат, ссорятся, вместе переживают трудности. В центре — история про то, как дети из двух семей крадут арбуз с колхозного поля и потом вместе высаживают новые семена, чтобы загладить вину. Светлая, смешная, добрая история. Эксперт из регионального министерства культуры (проект подавался на региональный грант) написал: «Изображение межэтнических отношений требует повышенной осторожности. В условиях текущей геополитической ситуации не рекомендуется акцентировать внимание на национальностях персонажей. Сделайте всех альянсом. Место действия перенесите в центр Восточных Королевств».

Когда проект перенесли в указанное место, пропала специфика. Арбузы не растут в Лордероне. История про кражу арбуза стала историей про кражу яблок. Это уже было не смешно. Режиссёр, который сам с «Живого Лордерона», сказал: «Мы не можем. Мы будем делать только так, как задумали».

Кто-то ломится топором в дверь. Слышите?

— Это Джонни!

Они пришёл добить твой сценарий, сучара.

«Мама» — короткий метр для взрослых (18+). Психологическая драма о женщине, которая воспитывает троих детей, работает на двух работах, а по ночам плачет в ванной, чтобы никто не слышал. Мультфильм был почти готов, его

даже профинансировал один частный фонд. Но когда дело дошло до прокатного удостоверения, экспертиза сказала: «Изображение бытового неблагополучия может дискредитировать государственную политику в области поддержки материнства и детства. В России созданы все условия для матерей. Показывать уставшую, плачущую мать — значит создавать ложный негативный образ».

Режиссёр попытался объяснить, что это не критика политики, это просто человеческая история. Ему ответили: «У нас сейчас демографическая яма. Нам нужно показывать счастливых матерей с большими семьями. Если вы покажете несчастную мать — женщины испугаются рожать. Вы этого хотите?»

— Алло, это реальность?

— Да.

— Иди на хуй, реальность!

Годом ранее, вроде, в Восточных Королевствах запустили систему автоматического анализа контента для анимации. Называется «Мегакрут 3000». Разработал её «Дреней +» по заказу Правящей палаты. Система распознаёт потенциально опасные визуальные и аудиоэлементы: определённые цвета, геометрические формы, сочетания слов, даже выражение лиц персонажей.

Студии обязаны прогонять через «Мегакрут 3000» все мультфильмы перед отправкой на получение прокатного удостоверения. Система выставляет баллы «деструктивно-

сти». Если баллов больше порога — мультфильм автоматически отправляется на ручную экспертизу. Если меньше — проходит.

Никто не знает точных критериев. Формула расчёта — коммерческая тайна. Но аниматоры быстро выучили правила методом проб и ошибок.

Изображение тёмного леса с кривыми ветками — штраф. Потому что может символизировать «уныние» и «депрессию».

Персонаж, который сидит, опустив голову — штраф. Это «поза печали», а печаль — «деструктивная эмоция».

Дети без улыбок — штраф.

Любое упоминание слова «другой» в контексте отличия от большинства — штраф.

Взрослые, которые спорят друг с другом — штраф (демонстрация внутрисемейного конфликта).

Одиночество — штраф.

Ветер — штраф (нестабильность).

Зеркала — штраф (двойственность).

В одной из студий провели эксперимент: прогнали через «Мегакрут 3000» тридцатисекундный ролик, где заяц просто стоит на зелёной траве и улыбается. Система выдала 12 баллов из допустимых 50. Почему? Заяц улыбался «недостаточно широко». То есть «контекстуально его улыбка может быть истолкована как грустная». Как это определила нейросеть — никто не объяснил.

Главный технолог «Мегакрут 3000» в интервью «Штурм-градской ведомости» сказал: «Система постоянно обучается. Мы добавляем новые паттерны. Наша задача — обезопасить детей от деструктивного контента. У нас в стране высокие стандарты морали». Что именно он имел в виду — осталось загадкой.

Директор одной небольшой студии рассказал мне историю. Они сделали мультфильм про кота, который потерял варежку. Простая, милая история. Кот грустит, потом находит варежку, радуется. «Мегакрут 3000» выдал 68 баллов. Порог — 50.

— Что не так? — спросил директор в техподдержку.

— Система зафиксировала эпизод, где кот смотрит в окно, за которым идёт снег. Снег был сероватым, а не белым. Серый снег — это возможная аллюзия на загрязнение окружающей среды. Экологический подтекст.

— Но это просто снег. Мы рисовали его серым, чтобы было красиво, контрастно.

— Системе всё равно. Перерисуйте снег в белый. Загрузите заново.

Они перерисовали. Сделали снег белоснежным. Загрузили снова. «Мегакрут 3000» выдал 49 баллов. Прошли вприщип. Мультфильм про кота и варежку вышел в прокат. Дети его не смотрели, потому что было скучно. Белый снег, счастливый кот, никаких проблем. Истории нет. Но требования выполнены.

Но, это ещё не так гадко. Самое смешное и страшное происходит не с государственными заказами, а с авторскими мультфильмами. Те, что делают талантливые режиссёры в надежде показать их на фестивалях. Королевских фестивалей осталось немного. Международные для нас закрыты — санкции.

«Гномреган-фест» — главный альянсовский анимационный фестиваль. Недавно программный директор честно сказал в кулуарах: «Из 600 заявок мы отобрали 80. Но из этих 80 мы не сможем показать 20, потому что они не получают прокатное удостоверение. А без прокатного удостоверения показывать мультфильм на публичном мероприятии нельзя. Нас оштрафуют».

То есть фестиваль отбирает лучшие работы. Но половину из них нельзя показать, потому что они не прошли цензуру. Как такое возможно? Очень просто.

Авторский мультфильм — это всегда про что-то личное. Про боль, про радость, про странность, про сложность. А «Мегакрут 3000» и ручная экспертиза требуют простоты и безопасности. Авторское кино по определению не может быть безопасным. Поэтому оно не получает прокатное удостоверение. Поэтому его нельзя показывать. Поэтому зритель его не видит.

Один молодой режиссёр, назовём его Даниил, сделал шестиминутный мультфильм о своей бабушке. Бабушка жила одна в деревне, разговаривала с котом, каждый день ходи-

ла на кладбище к бабушке. Мультфильм был чёрно-белым, медленным, очень грустным и очень красивым. Даниил потратил на него год.

«Мегакрут 3000» выдал 210 баллов. Ручная экспертиза подтвердила: «Мультфильм депрессивен, не рекомендован для детей и подростков». Даниил ответил: «Это не для детей. Это для взрослых. Он про одиночество старости. Про то, что мы все будем старыми». Эксперт: «В Восточных Королевствах пенсионеры окружены заботой. Ваш мультфильм создаёт ложное впечатление. Одиночество пожилых людей не является социальной проблемой в нашей стране».

Даниил пытался апеллировать, писал письма, звонил. Бесполезно. Мультфильм не показали ни на одном фестивале. Он лежит в Сфере Кадгара в открытом доступе, у него 117 просмотров, и 100 из них — сам Даниил и его друзья.

— Я больше не делаю авторское кино, — сказал он мне. — Я теперь делаю рекламные ролики. С ними проще. Там экспертиза не нужна. Там только заказчик.

Есть ещё кое-что. Про это редко говорят. Это даже не цензура, а самоцензура, встроенная в образование.

Во ШПИКе, на сценарно-киноведческом факультете, есть мастерская анимации. Студентам дают задание: придумать сценарий короткометражки. Преподаватель — известный режиссёр, которого мы не будем называть — говорит: «Тема свободная. Только учтите: ни политики, ни религии, ни ЛГБТ, ни мигрантов, ни экологии, ни критики власти, ни кри-

тики армии, ни критики церкви, ни критики образования, ни критики медицины, ни критики социальной политики. Всё остальное можно».

Студенты смеются. Потом понимают, что он не шутит.

Одна студентка принесла сценарий про девочку, у которой родители разводятся. Преподаватель сказал: «Плохая тема. Институт семьи в Восточных Королевствах крепок. Развод — это исключение, не надо его тиражировать». Другой студент принёс сценарий про мальчика, который боится идти в школу, потому что там его обижают. Преподаватель: «Не надо показывать школу как место насилия. У нас отличное образование. Сделайте так, чтобы мальчика обижали не в школе, а во дворе. И чтобы старший брат его защитил». Третий принёс сценарий про девочку с диабетом. «Не надо, — сказал преподаватель. — Здравоохранение у нас бесплатное и доступное. У нас нет проблем с диабетом».

— Так о чём же тогда писать? — спросила студентка.

— О дружбе, — сказал преподаватель. — О добре. О том, как хорошо быть вместе. О семье. О природе. О животных. О чудесах. Всё, что объединяет.

— А что разделяет, писать нельзя?

— Зачем вам разделять? Страна и так переживает сложный период. Мы должны спланировать, а не разъединять. Ваш мультфильм будет смотреть сотня тысяч детей. Хотите, чтобы они стали тревожными и несчастными?

Студентка пожала плечами. Она написала сценарий про

дружбу луговой собачки и белки. Преподаватель поставил пятёрку. Собачка и белка собирали орехи, пели песни, ни с кем не ссорились. Это была безопасная, стерильная, мёртвая история. Но она получила оценку.

Через два года эта студентка работает на студии, которая делает мультсериал для государственного канала. Она пишет эпизоды, в которых ничего не происходит. Персонажи ходят, улыбаются, иногда находят потерянные вещи. Конфликты длятся десять секунд и мгновенно разрешаются. Она ненавидит свою работу, но платят хорошо.

Я попросил нескольких аниматоров сказать одно предложение — о том, как цензура изменила их работу. Вот что они ответили.

— *«Я перестал использовать синий цвет, потому что синий теперь иногда считают цветом, ассоциирующимся с Оранжевым Союзом».* (художник-постановщик, 45 лет, опыт 20 лет)

— *«Мой последний персонаж — квадрат. Квадрат нельзя обвинить в неуважении к кому-либо. Квадрат безопасен. Квадрат — это форма, которую я могу защищать в любой комиссии. Хотя, углы я ему округлю. Самую малость. Так, на всякий случай».* (режиссёр, 38 лет)

— *«Мы сделали мультфильм про дружбу русского медведя и китайского панды. Эксперты сказали: "Панда — это хорошо, но зачем медведь? Сделайте двух панд". Мы сделали двух панд. Теперь это мультфильм про Китай. И его одоб-*

рили. Я не знаю, смеяться мне или плакать». (продюсер, 50 лет)

— «Самое страшное — это когда ты сам начинаешь вырезать что-то ещё до того, как кто-то попросил. Ты видишь сценарий и думаешь: "А вот это могут не пропустить. И это. И это". И ты вычёркиваешь. Вычёркиваешь. И через время ты уже не помнишь, что ты вычеркнул. Ты просто привык, что мир должен быть безопасным. Ты сам стал себе цензором». (сценарист, 34 года)

— «Я ушла из профессии. Теперь работаю в магазине детских игрушек. Там хотя бы не говорят, что жёлтый — это не тот цвет. Игрушки бывают любых цветов. Даже чёрные. Даже лебеди». (аниматор, 29 лет)

— Блять! Сигареты закончились. Сгоняет кто-нибудь, а?

Всё складывается слишком гладко

Пощёчина. Славная, хлёсткая. Такую не освоить за один раз. Приём явно отработан.

Хочется врезать в ответ. Боюсь только силу не рассчитаю.

— И как ты это объяснишь? — она тычет мне в лицо телефоном.

На фото я. Рядом девушка с работы. Этот момент я прекрасно помню. Было это всего час назад. Лиза решила обнять меня на прощание. Я чуть приобнял её в ответ. Наверное, это ужасно.

— Выметайся, — голос у меня ровный.

— Что? — такого она не ожидала. Скорей всего, по её задумке, я должен был оправдаться. Потом истерика, может обида. Секс вечером. Вот покачались на качельках, а потом уснули вместе. Однако план даёт сбой. В этом случае, лучший способ — сразу начать истерить.

Лицо её кукожится. Мокнет. Женские слёзы — сильное оружие. Они обескураживают. Но мне, к сожалению, насрать.

— Собирай вещи, — повторяю я, — и уходи.

— Мудак! — план снова не сработал. Она пытается ударить меня, но я хватаю её за руку. Следом должен пойти удар ногой — не додумалась.

Мне остаётся подождать пока она успокоится. Ещё несколько оскорблений и в конце моё любимое.

— Да я с тобой не кончала даже! Притворялась только!

— Я тоже с тобой не кончал.

Она шипит, чуть распухшее лицо искажается в улыбке.

— Вспомни, — продолжаю я. — В конце ты всегда спиной ко мне. У меня даже дыхание не менялось. А лицо, — я стучу по виску, — напряги память.

— И что? — фыркает она. — У многих парней ебло не меняется.

— Я просто вынимал и плевал тебе на спину. Набирал рот слюны, так чтоб побольше. Звук странный. Не обращала внимание?

Она закатывает глаза. Пытается вспомнить.

— Бред.

— Нет. Я просто физически не способен кончить. Хуй силой воли поднимаю.

Мне остаётся выслушать ещё несколько оскорблений. Забрать дубликат ключа. Попросить, чтобы она сама вызвала себе такси. Дверь я за ней закрою. Хлопок услышит весь подъезд.

Так что в итоге я остаюсь один. Страдать? Ну я не мальчик. Мы всего полгода вместе. Не то чтобы много. Может, просто не привязался. Чёрт знает. Сначала, вроде, всё хорошо было. Знакомство, свидания. Месяц общения. Раздельный счёт. И в итоге: может съедемся?

Съехались. И вот мы три месяца прожили вместе. Притёрлись. Кажется, пережили начальную рутину. Потом качели. Слежка. Ревность. Нервы дороже.

Я открываю холодильник. Беру колу. Включаю компьютер. Вечер нужно как-то убить. Было бы пиво, я бы качнул Доту. Хотя, я столько обновлений пропустил. Тогда во вторую РоЕ. Там как раз сезон новый. Хотя, тоже лень. Тогда посмотреть что-то. Вроде как паук новый вышел. На вечер хватит. А завтра снова на работу. Там уж забудусь окончательно.

Вечер. Ночь. Паук, в целом, оказался не плох. Диалоги хорошие. Шутки тоже. Герои, кроме роковой дамы, не раздражают. В общем сериал держал хорошую планку. Под конец, правда, слегка утомил. Так что я начал чуть перематывать

нудные фрагменты. При том, что я смотрю всё на двойной скорости.

Проснулся я на редкость бодрым. В распоряжении была вся кровать и даже одеяло осталось на мне. Ждать своей очереди в ванную не пришлось, а завтрак это и так моя забота. Сегодня вышло даже быстрее, хотя по привычке, чуть не приготовил на двоих.

Наушники. Музыка. До работы песни четыре. Пять, если со светофорами не повезло.

Работаю я сортировщиком. Компания у нас большая. Сама Sun Queen. Или Солнечная Королева, с последних времён. Сохранение языка, и всё такое. Звучать стало смешнее. Хотя вот подконтрольные компании мессенджер Person и видео хостинг WarpTube и даже сеть закусовых Piccolo, переименовывать почему-то не стали.

Дело моё простое: все обращения стекаются в мою корзину, и я распределяю их дальше. Здесь главное выбить закономерность. Она всегда есть. И уже по первым двум словам можно понять куда, собственно, обращение и должно попасть. А если в системе можно найти связь, то её можно и оптимизировать. Например, написать бота, который будет делать твою работу, в то время пока ты заставляешь своего нарисованного в Aseprite корявого человечка, скакать по платформам, собранным на Godot. Признаюсь, это сжирает время лучше любых коротких роликов или шестичасового разбора танка Леман Русс. Хотя я очень рад, что есть такие

люди, как Эльфийский Танкист, которые скрашивают мою унылую, застоявшуюся жизнь.

Теперь дело за малым. Я толкаю дверь. Отдаю честь охраннику. Два пальца к виску, как в американских фильмах. Смотрится так себе, зато мужик улыбается. Теперь моё любимое:

— Придержи!

Кто-то хватается лифт за губу. Я ускоряюсь, чуть ли не бегу. Запрыгиваю внутрь. Здесь собрались только мужчины.

— Какой? — спрашивает ближайший к кнопке.

— Шестой.

— Повезло тебе. Всего две остановки.

Я пожимаю руки всем присутствующим, протискиваюсь ближе к задней стенке. К тем, кто выходит на шестом. На третьем контингент меняется, мы приветствует друг друга молчаливым кивком. На пятом уже остаюсь один. Обычно такие как я не поднимаются выше. В редких случаях за всю жизнь удаётся дослужиться до восьмого этажа. Но это уже что-то из разряда легенд. Одна такая висит в рамке, в нашем холле. Иннокентий Гриб. Славный мужик — говорят старожилы. Точнее говорили, пока на пенсию не ушли.

Я добираюсь до рабочего места. Мне протягивают большой стакан кофе. Чувствую запах корицы. Привилегии старшего работника. Нет, ну не отказываются же.

Щелчки. Клики. Я озираюсь по сторонам. Захожу в рабочий чат. Запускаю бота. Сортировка пошла. Пару минут я

наблюдаю за работой моего «сына». Мальчик действительно хорош. Весь в отца.

Подключаю флешку. На рабочем компьютере мусорить своими программами не хочу. Запускаю программу. За сегодня я намерен закончить анимацию прыжка. А там уже как пойдёт.

Главное — быстро сосредоточиться. Иначе фоновый шум: звонки, ходьба, разговоры о том, о сём, начнут отвлекать. Концентрация упадёт. Заниматься пикселями станет лень. День растянется. Встанет поперёк горла. Секунду и...

Звонок. Значит получилось. Сейчас весь шестой этаж замрёт ровно на час. Работа встанет, но никого это не волнует. Законный обед. За решённые вопросы с часу до двух не платят. Даже я тушу бота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.